

История

О формах и методах советского руководства в поисках нормализации торгово-экономических и политических отношений с Синьцзяном в 1921–1923 г.

© 2020

Т.А. Шеметова

Основное внимание в статье автор акцентирует на поисках советским руководством новых форм и методов для нормализации торгово-экономических и политических отношений с китайской провинцией Синьцзян в 1921–1923 гг. В сентябре 1921 года советское руководство направило в город Урумчи, столицу провинции, делегацию во главе с сотрудником Народного комиссариата по иностранным делам — Казанским для переговоров по восстановлению торгово-экономических отношений сторон. Однако добиться каких-либо значимых результатов в ходе переговоров не удалось, несмотря на явные перспективы предлагаемого сотрудничества и очевидную взаимную выгоду. К сожалению, ни уступки, ни изменение подходов в выстраивании взаимоотношений не смогли formalизовать и переломить негативные моменты в торгово-экономических и политических отношениях с провинцией в рассматриваемый период: слишком велико было недоверие со стороны администрации сопредельной китайской территории к новой российской власти, к ее идеологии и практическим действиям.

Ключевые слова: СССР, Синьцзян, новые формы торгово-экономических отношений.

DOI: 10.31857/S013128120009755-1

Революция и последовавшая за ней Гражданская война привели к разрушению традиционных торгово-экономических отношений России с крупнейшей северо-западной провинцией Китая — Синьцзяном. Между тем уже в начале 1918 г. сложная социально-экономическая ситуация в приграничных с провинцией районах, острая нужда в различных видах сырья, продовольствии и конном составе для Красной Армии поставили советскую власть перед необходимостью восстановления утраченных торговых связей. Однако первые попытки советских дипломатов и представителей заинтересованных организаций нормализовать отношения с Синьцзяном окончились неудачей. Провозглашенная властями провинции «политика нейтралитета» по отношению к событиям в России

Шеметова Тамара Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет». E-mail: taaaaat1965@mail.ru.

после начала там гражданской войны не позволила сторонам начать официальные переговоры. Некоторые исследователи считают, что начало официальной торговли Советской России с Синьцзяном положил заключенный в мае 1920 г. так называемый Илийский протокол. Однако эта точка зрения вызывает сомнение, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, этот протокол урегулировал, да и то частично, отношения советского Туркестана только с одним Кульджинским округом провинции. Во-вторых, сложившаяся ситуация совершенно не устраивала советскую сторону, поскольку она была заинтересована в торгово-экономическом сотрудничестве со всеми округами региона. Об этом свидетельствуют, в частности, ежегодные торговые и дипломатические миссии ее представителей в Синьцзянскую провинцию. 5 сентября 1921 г. советское руководство направило в город Урумчи, столицу провинции, для переговоров относительно полноценного восстановления торгово-экономических отношений сторон делегацию во главе с сотрудником Народного комиссариата по иностранным делам — Казанским¹. Первое заседание сторон состоялось в феврале 1922 г.²

Насколько эти переговоры были значимыми для советских властей, можно сделать вывод, анализируя тексты телеграфной переписки от 20 сентября 1922 года. Заведующий Восточным отделом НКВД Л.М. Карахан телеграфировал заместителю уполномоченного НКВД в Средней Азии Силину: «Срочно сообщите результаты переговоров Казанского в Урумчи»³. Лев Михайлович интересовался также реакцией китайской администрации Синьцзяна на предложения Советской России «обсудить вопросы экономическо-отношений на специальном совещании в Ташкенте». Карахан выяснял: «Не возражают ли китайцы против наших (т. е. советских — Т. Ш.) Уполномоченных в Чугучаке и Урумчи без предоставления им соответствующих компенсаций и независимо от тех или иных переговоров?»⁴. Однако добиться каких-либо значимых результатов в ходе переговоров в 1922 г. не удалось. Между тем как китайская, так и советская стороны были заинтересованы в их продолжении. Интерес России определялся прежде всего желанием обеспечить свои политические и экономические интересы в Синьцзяне. По крайней мере, именно этой причиной объяснял возобновление переговоров с этой китайской провинцией в 1923 г. народный комиссар по иностранным делам Г.В. Чичерин. В письме своему заместителю Л.М. Карахану он писал: «Вы знаете, что на сепаратные переговоры (для заключения так называемого «Временного торгового соглашения» — Т. Ш.) мы пошли в момент, когда не было почти никакой надежды на скорое общее соглашение с Китаем и только этим путем нам казалось возможным, так или иначе, обеспечить наши политические и экономические интересы в Синьцзяне»⁵.

Новые советские представители, во главе которых теперь стоял уполномоченный НКВД в Западном Китае Эспер Константинович Озорнин-Кистер, прибыли в Урумчи 25 августа 1923 г., а с 31 августа был возобновлен переговорный процесс.

Накануне в ходе нового этапа переговоров советской стороной был предпринят ряд шагов экономического плана «для нажима» на власти Синьцзяна. В Москве полагали, что это сделает администрацию провинции более уступчивой во время переговоров с Озорниным. Дело в том, что часть оставшегося после производства маты (материи) хлопка Синьцзян экспортировал в советское государство, которое, несмотря на отсутствие договора, продолжало торговлю с Западным Китаем. В сложившейся ситуации Со-

1. АВП РФ. Ф. 0/100 в. Оп. 4. П. 102. Д. 2. Л. 1.

2. Бармин В.А. СССР и Синьцзян 1918–1941 гг. (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул, 1998. С. 65.

3. АВП РФ. Ф. 100 в. Оп. 2а. П. 1. Д. 1. Л. 4.

4. Ibid.

5. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 3. Д. 1957. Л. 147.

ветский Союз был настолько заинтересован в этой торговле, что даже во время переговоров в Урумчи, когда в целях давления на китайских представителей была предпринята попытка закрыть границу до подписания соглашения, сделать этого советская сторона не смогла. Одновременно с ужесточением экономической политики против провинции российской сторона озвучила мероприятия, которые должны были заинтересовать торговые круги Синьцзяна.

В это же время из соображений как политического, так и экономического характера в Совете народных комиссаров (далее — СНК) РСФСР весной 1923 г. был поднят вопрос о необходимости установления по границам СССР с восточными странами безлицензионного режима. Правда, этот режим распространялся только на определенный список товаров. Иначе говоря, советские власти предоставляли право ввоза и вывоза товаров, поименованных в списках по всей границе Западного Китая с СССР без лицензий. Означенным правом могли пользоваться как синьцзянские купцы, так и советские частные фирмы и лица. В то же время государственным учреждениям и хозорганам такое право предоставлялось только в том случае, если они на законных основаниях уже имели возможность выхода на внешний рынок. Необходимость введения безлицензионного режима мотивировалась следующими причинами: во-первых, Синьцзян в силу огромного расстояния и отсутствия коммуникаций был, по сути говоря, изолирован от Центрального Китая и на деле являл собой почти самостоятельное государство, что позволяло советскому руководству несколько иначе рассматривать вопрос о пограничном режиме с ним, нежели с другими сопредельными участками. Во-вторых, Западный Китай объективно играл роль необходимой сырьевой базы для СССР. Особенно это касалось скота и шерсти, кож, хлопка, а несколько позже и целого ряда редких металлов. В то же время провинция не в меньшей степени являлась емким и выгодным рынком сбыта для продукции российской промышленности. Наконец, в-третьих, отдаленность района, необеспеченность границы должной охраной, отсутствие надлежащим образом налаженного и гибкого аппарата хозорганов не давали советскому государству возможности в полной мере реализовать на границе с Синьцзяном систему лицензий.

Российско-Восточной торговой палатой были составлены списки товаров, которые было бы целесообразно допустить к безлицензионному ввозу и вывозу в торговле с Западным Китаем, Афганистаном и рядом других стран Востока. Кроме того, ее представителями был составлен план изменения таможенных ставок на границе с провинцией. В результате уже 12 апреля 1923 г. вышел проект постановления СНК СССР о безлицензионном товарообороте по границе с Синьцзяном¹. Согласно выписке из указанной резолюции, по границе СССР с Синьцзянской провинцией допускался взаимный экспорт и импорт продукции сельского хозяйства и мелкой кустарной промышленности без предъявления удостоверяющих это право документов. К сожалению, в большей своей части указанное постановление осталось лишь проектом. Против введения безлицензионной системы товарооборота выступил Народный комиссариат внешней торговли. В письме в НКВД № 12036 за подписью заместителя наркомвнешторга М.И. Фрумкина было предложено отложить «введение на западно-китайской и афганской границе системы безлицензионного ввоза и вывоза» и оставить границы «открытыми» только для прогона скота². Это объяснялось тем, что финансовым комитетом при СНК уже было принято решение об ассигновании Ферганской области 1 млн. валютных рублей для закупки крупного рабочего скота и лошадей. Кроме того, советское руководство надеялось на положительную оценку китайскими властями Синьцзяна данного постановления и смягчения позиции ее представителей на переговорах в Урумчи.

1. Собр. указ. РСФСР. 1923. Г. 40. Ст. 424.

2. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 3. Д. 1399. Л. 4.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
о таможенном тарифе для товаров,
ввозимых через границу Туркеспублики с Китаем

№ статей	Соответствующие статьи тар. по Азиатской торговле	Наименование товаров	Пошлина
1	Ст. 6.	П. 1. Фрукты и ягоды сухие, кроме поименованных в п. 2 сей статьи с пуда брутто П. 2. Кишмиш с пуда брутто	1 руб. 25 коп.
2	Ст. 13 и общее прим. к тар. по Азиат. торговле	Мягкая рухлядь (пушнина) всякая	Беспошлинно
3	Ст. 19	Хлопок-сырец (неочищенный и очищенный), хлопчатобумажные концы	Беспошлинно
4	Ст. 20	Шерсть и пуша нечесанные и непряденые (грязные и мытые), некрашенные, шерстяные очески, концы и отбросы некрашенные	Беспошлинно
5	Ст. 21	П. 1. Хлопчатобумажные ткани, суровые, беленые, пестротканые, крашенные и набивные (с рисунком), кроме поименованных в п. 2 сей статьи с фунта П. 2. Мата всякая с фунта	60 коп. 25 коп.
6	Общее прим. к тар. по Азиат. торговле	Кожи и шкуры невыделанные, хотя бы в обрезках, бычьи, воловьи, коровьи, телячьи, верблюжьи, буйволовы, лошадиные, ослиные и свиные: П. 1. мокросолёные: а) с волосом б) без волоса с пуда П. 2. сухосолёные и сухие: а) с волосом б) без волоса с пуда	Беспошлинно 40 коп. Беспошлинно 75 коп.
7		Волос конский не в деле	Беспошлинно
8	Общее прим. к тар. по Азиат. торговле	Домашний скот, лошади, животные всякого рода, кроме голубей, запрещенных к привозу	Беспошлинно
Общее примечание к тарифу		Все перечисленные в постановлении товары должны были пропускаться через границу Туркеспублики с Китаем по общему таможенному тарифу, утвержденному СНК 11 апреля 1922 года	

После длительной переписки между ведомствами 28 июля 1923 г. вышел приказ НКВТ, разрешающий на август, сентябрь, октябрь безлицензионный перегон скота по афганской, персидской и западно-китайской границам¹. В полном объеме реализовать постановление о безлицензионном режиме торговли удалось 12 ноября 1923 г. с Урян-

1. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 3. Д. 1399. Л. 5.

хайским краем, но не с Синьцзянской провинцией (из-за погодных условий в провинции произошел большой падеж скота, и местные власти запретили его продажу).

Более результативно прошло осуществление плана по изменению таможенных тарифов на границе с Синьцзяном. На заседании СНК от 19 апреля 1923 г. было принято постановление № 1022, в котором рекомендовалось: «Предоставить тов. Л.Б. Красину по соглашению с тов. Л.М. Караханом право в тот момент, когда ими будет признано необходимым по ходу переговоров с Синьцзянской провинцией (имеются в виду переговоры Э.К. Озарнина — Т. Ш.), ввести в действие на участке границы с Западным Китаем ниже следующие тарифы для привозимых товаров»¹.

Но если обратить внимание на перечень товаров, разрешенных к ввозу в Россию беспошлинно, то можно заметить, что это было лишь необработанное сырье. Оно было необходимо для советского промышленного производства и стоило значительно дешевле. Полуфабрикаты и готовая продукция, которые могли составить конкуренцию местным товарам, уже облагались пошлиной. Позиция советских властей была вполне понятна. В условиях острой заинтересованности в экономическом сближении с провинцией требовалось оказать поддержку миссии Э.К. Озарнина. Кроме того, возвращение на рынки провинции делало необходимым устранение конкуренции со стороны собственных китайских товаров, так как основным экспортом России в Синьцзян, еще с дореволюционных времен, была готовая продукция, в частности мануфактура. Отсюда и появился столь неоднозначный документ. Он позиционировался как уступка китайской стороне, так как в качестве основной претензии в нежелании установить с СССР более тесные торговые отношения китайцами указывались именно высокие пошлины в торговле с Синьцзяном. Советская сторона неоднократно получала от представителей администрации провинции протесты по этому поводу.

Так, в сентябре 1921 г. в НКВД поступила нота протеста дущюня (губернатора) Ян Цзэнсиня из-за взимания советскими властями 15% таможенного сбора с ввозимых в Россию китайских товаров².

В своем докладе от 10 октября 1922 г. губернатору Синьцзяна уполномоченный китайских властей в Алма-Ате (бывший Верный) Чин Лян просил «принять меры против взимаемых (Советской Россией) пошлин». Он указывал, в частности, что «уполномоченный советских властей в Кульдже взимает пошлину в размере 20%, кроме этого с каждой операции взимается 3% регистрационных» и резюмировал: «власти Туркестана не желают торговать с Синьцзяном»³.

О серьезном «сокращении вывоза в русские пределы в 1922 г.» из-за «введения высокого тарифа» сообщал и представитель НКВД в Кульдже. Надо полагать, что это сокращение было столь заметным, что вынуждало советское руководство, с одной стороны, решать назревшую проблему путем изменения таможенных тарифов, с другой — оказывать всю возможную поддержку своему представителю на переговорах в Урумчи.

Надо отметить, что советская сторона и в дальнейшем предпринимала попытки заинтересовать Синьцзян в более тесном сотрудничестве. Этого требовали насущные проблемы восстанавливаемой промышленности страны, нуждавшейся в сырьевых ресурсах. Данный аспект просматривается в докладной записке, поступившей в отдел Среднего Востока В.М. Цукерману от уполномоченного НКВД в Кульдже 10 октября 1923 г. В ней дипломат прокомментировал докладную записку Российского геологиче-

1. РГАЭ. Ф. 635. Оп. 3. Д. 14. Л. 353–354.

2. АВП РФ. Ф. 0/100 в. Оп. 4. П. 102. Д. 2. Л. 36–37.

3. РГВА. Ф. 410. Оп. 7. Д. 45. Л. 66.

ского комитета о запасах полезных ископаемых, обнаруженных на северных склонах Тянь-Шаня, и о возможности их разработок советскими компаниями. Собрать полные сведения по полезным ископаемым в означенном районе советским геологам не удалось из-за «невозможности свободно совершать продвижения по округу и исследовать тот или иной интересующий нас пункт»¹. Докладная записка руководителя геологической экспедиции А. Галина и сделанное по ней заключение видного геолога Б.А. Обручева свидетельствовали о факте наличия в обследованном районе Тянь-Шаня месторождений золотых россыпей, а также угля и нефти. При этом уполномоченный НКВД в Кульдже подчеркивал, что «китайцы и вообще народности, населяющие Синьцзянскую провинцию, благодаря общему административно-политическому гнету властей, бедности, невежеству и крайне малой культурности, не в состоянии проявить должной инициативы в деле разработки упомянутых богатств; также и сами китайские власти Синьцзяна очень далеки от стремления использовать неисчислимые богатства своей провинции»².

Правительство СССР было заинтересовано в получении концессии на разработку залежей. При этом оно указывало на выгоду от заключения такой концессии и для китайской стороны. Это действительно было взаимовыгодное мероприятие. Советский Союз получал возможность использовать природные богатства провинции для развития промышленности в своих пограничных районах при минимальных затратах, так как местная рабочая сила была достаточно дешевой. Заработок рабочих на угольных коях, например, составлял в среднем 20–25 копеек золотом в сутки. Администрация Синьцзяна, предоставляя концессионные права советской стороне, частично решала проблему занятости собственного населения. В районах предполагаемых разработок было большое количество свободных рабочих рук. В дореволюционный период на время весенних и летних полевых работ люди из этого региона традиционно уходили в Фергану и Семиречье. Однако, несмотря на явные перспективы предлагаемого сотрудничества и очевидную взаимную выгоду, получить право на концессию в 1923 г. советскому государству не удалось. Дипломаты сообщали своему руководству, что определенное влияние на китайские власти Синьцзяна по-прежнему оказывали англичане, белая российская эмиграция. Ими владел страх возможной революции в провинции, которая, по глубокому убеждению китайских властей, «должна прийти из Советской России и совершена при нашем (России — Т. Ш.) несомненном участии»³. Поэтому практически любое предложение советской стороны в области расширения экономического сотрудничества с провинцией расценивалось ее властями как попытка проникнуть под благовидным предлогом внутрь страны и распространить идеи неподчинения и восстания против местной администрации. Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, советские заинтересованные организации и ведомства стали использовать новые формы сотрудничества с Восточным Туркестаном, отличные от провозглашенных принципов торговли. На первый план в торгово-экономических отношениях с Синьцзянской провинцией в 1923 г. стали выходить смешанные общества, которые предлагалось создавать с участием не только России, но и Германии, Англии, Швеции или Норвегии. Такой подход должен был успокоить власти Синьцзяна, и в переговорах о концессиях «мнимые страхи не будут главенствовать, а явные выгоды выступят на первом плане и живо заинтересуют китайцев»⁴. Однако и предлагаемые новые формы экономического сотрудничества не смогли окончательно преодолеть сомнения китайских властей провинции, кото-

1. РГАЭ. Ф. 635. Оп. 3. Д. 3. Л. 81.

2. Ibid. Л. 80.

3. Ibid.

4. Ibid.

рые боялись экономического засилья не только со стороны российского государства, но и в целом со стороны иностранцев. Руководители китайской администрации провинции считали, что, заключая с СССР договор о концессии на разработку полезных ископаемых, они были бы вынуждены заключать подобные соглашения и с другими странами. Эти опасения отчасти имели основания, поскольку попытки навязать подобные контракты ранее уже предпринимались англичанами, но без особого успеха. Поэтому в своем докладе на имя В.М. Цукермана уполномоченный НКВД писал, чтобы «советские власти очень осторожно, дипломатично подходили к решению данной проблемы». В то же время он настаивал на «необходимости скорейшего перехода от кабинетных разговоров и переписки в плоскость практической работы»¹.

В поисках установления систематических торговых взаимоотношений СССР с Северо-Западным Китаем в 1923 г. советская сторона предлагала и другие, кроме смешанных обществ, формы сотрудничества. Как уже отмечалось, восстановление разрушенной экономики страны ставило перед Москвой среди прочего вопрос об обеспечении промышленности сырьевыми ресурсами. Синьцзян занимал в решении этого вопроса существенное место. В этом контексте нормализация торгово-экономических отношений с провинцией приобретала характер обеспечения национальной безопасности.

То, насколько Советский Союз был заинтересован в подписании с Синьцзяном Временного торгового соглашения, свидетельствуют принятые им беспрецедентные шаги в плане частичного отхода от провозглашенной монополии во внешней торговле и поспешность проведенных в этом направлении мероприятий.

В ходе переговоров в Урумчи во главе с Э.К. Озорным-Кистером был согласован проект концессионного договора с целью «установления регулярных сношений СССР с Западным Китаем». Согласно условиям данного проекта, подписание которого намечалось осуществить в Чугучаке 5 октября 1923 г., предполагалось создать «Русско-Китайское Акционерное Общество» с местонахождением его правления в Москве².

С советской стороны договор должен был подписать Агзумхан Габидович Максумханов, на основании доверенности, предоставленной ему Управлением народного комиссариата по иностранным делам. Синьцзян был представлен купцом Таджикисманом Хаджи Искамбаевичем Измаилбаевым. 5 октября 1923 г. в Чугучаке по реестру № 39 был представлен проект договора. Советский Союз, заинтересованный в скорейшем подписании Временного торгового соглашения в Урумчи, даже проигнорировал отрицательную характеристику, данную подписанту договора с Синьцзянской стороны уполномоченным НКВД в Чугучаке Фесенко, который не раз предупреждал центр о «неблагонадежности» купца Измаилбаева³.

Согласно представленному проекту соглашения, правительство СССР предоставляло Измаилбаеву «право совместно с лицами, по его усмотрению и выбору, в числе не менее установленного законом учредить в СССР «Русско-Китайское Акционерное Общество» с местонахождением его правления в городе Москва»⁴. Предполагалось принятие устава создававшейся компании, в котором были определены ее права и обязанности.

Учреждаемому Акционерному Обществу «на все время его существования», как концессионеру, предоставлялись самые широкие полномочия, включая заготовку и переработку «разнообразных животных и растительных и сырьевых продуктов», и их «ввоз,

1. РГАЭ. Ф. 635. Оп. 3. Д. 3. Л. 78.

2. Ibid. Л. 102.

3. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 3. Д. 1713. Л. 235.

4. РГАЭ. Ф. 635. Оп. 3. Д. 3. Л. 102.

вывоз и транзит через территорию СССР», а также возможность «реализации на внутреннем и внешних рынках», только на основании генеральной лицензии без дополнительных разрешений, но при условии, что любая покупка и продажа на внешнем рынке могла быть совершена лишь с санкции уполномоченного представителя Правительства СССР при правлении Общества¹.

Обязанности концессионера в основном заключались в том, чтобы он все свои торговые и транзитные операции с СССР проводил через Русско-Китайское Акционерное Общество.

Советской стороной предлагались и другие мероприятия с целью заинтересовать китайцев и заставить их пойти на уступки на переговорах в Урумчи.

Экономическая составляющая для возобновления переговорного процесса по нормализации торгово-экономических и политических отношений наблюдалась с обеих сторон, но подходы и ожидаемые результаты были различными. При безусловной заинтересованности советской стороны в развитии торговли в не меньшей степени она планировала через «культивирование и развитие торговых связей с Синьцзяном» решить и другие задачи, в частности «проводить нам (т. е. Советской России, а затем СССР — Т. Ш.) и нужную нам в этом районе политическую линию», — писал в свой комиссариат ответственный сотрудник по поручениям представительства НКВД в Западном Китае Эпштейн². Особенно это касалось Кашгарского округа. «Я не буду повторять, — отмечал Эпштейн, — этот район нам нужен как путь для агитации в Индии», кроме того, для «того чтобы нормализовать английское влияние в Кашгаре, чтобы выбить почву из-под ног ферганского басмачества... Кроме того, нам необходим этот пункт и потому, что при посылке туда афганцами своего консула мы станем перед задачей иметь около последнего своего опекуна для того, чтобы афганский консул не очутился в английских пленках»³. Причина, по которой советское руководство предполагало решение политических вопросов через экономическое давление на Синьцзян, становится понятной из той же докладной записки Эпштейна. В ней дипломат утверждал: «Синьцзян экономически неразрывно связан с Россией. Торговля с ней — источник благосостояния провинции. Торговые пути идут только на Россию или через нее (транзитные пути)»⁴.

Эта ошибочная позиция, основанная еще на данных российско-синьцзянских торгово-экономических отношениях дореволюционного периода, неоднократно затрудняла представителям советской власти проведение переговоров с китайской администрацией провинции⁵. Попытки советских властей «надавить» на китайские власти путем «ущемления» торговли с провинцией с целью ускорить подписание Соглашения, производили на дуэция впечатление, как писал Э.К. Озорнин, «до обидности малое, а наши обещания громадных торговых операций в Синьцзяне по окончании переговоров производят на него впечатление еще меньшее».

По мнению уполномоченного советской стороны, «благосостояние синьцзянского населения менее всего беспокоит китайские власти», а лично в торговле с Советской

1. РГАЭ. Ф. 635. Оп. 3. Д. 3. Л. 102.

2. АВР РФ. Ф. 0/100 в. Оп. 4. П. 102. Д. 2. Л. 33.

3. Ibid.

4. Ibid. Л. 21.

5. Шеметова Т.А. Проблемы и последствия советско-синьцзянских переговоров в Урумчи о Временном торговом соглашении // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 158–162.

Россией они заинтересованы мало, так как «денег получить от нас не надеются, а в наших товарах не нуждаются»¹.

Из источников следует, что согласие китайской стороны на переговоры с российским государством было обусловлено более политическими, нежели экономическими причинами, посредством решения которых они хотели увеличить торговлю с Китаем.

Представители администрации провинции стремились в ходе переговоров получить для своих купцов возможность транзитной торговли с районами внутреннего Китая через Сибирь. Об этом, в частности, писал еще Эпштейн, анализируя переговоры, проведенные в Урумчи Казанским: «Сибирь также важна китайцам, как транзитный путь для провозки товаров из внутреннего Китая»². В таможенном ведомстве указывали: «на какую колоссальную сумму мы (т. е. Советская Россия — Т. Ш.) пропускаем транзитные (из внутреннего Китая — Т. Ш.) товары через Сибирь и Туркестан в Западный Китай»³. Представляется, что вопреки устойчивым утверждениям отечественной историографии, на указанных переговорах дучзюнь преследовал в основном политические, а не экономические цели. Еще больше политическая мотивация со стороны властей провинции просматривается в материалах, освещающих начальный этап переговоров. Они свидетельствуют, что в этот период резко обострились отношения дучзюнь с центральным правительством Китая⁴. В силу этих обстоятельств неординарные и нетипичные для провозглашенной политики монополии внешней торговли мероприятия, проводимые советским руководством в попытках усилить заинтересованность торговых кругов и администрации провинции в налаживании экономических отношений с советским государством, успеха не имели.

Таким образом, решение задач, связанных с восстановлением промышленного производства, настойчиво требовало от советского руководства расширения экономического и политического присутствия в Синьцзяне. Задача достижения этой цели была настолько значимой, что в Москве готовы были ради этого частично отказаться от провозглашенных принципов внешней торговли и использовать новые формы сотрудничества. Однако, несмотря на уступки и изменение подходов в выстраивании взаимоотношений, формализовать и переломить негативные моменты в торгово-экономических и политических отношениях с провинцией в рассматриваемый период не удалось. Слишком велико было недоверие со стороны администрации сопредельной китайской территории к новой российской власти, к ее идеологии и практическим действиям. В результате единственным положительным итогом переговоров явился полученный опыт дипломатического общения с руководством Синьцзяна, который сыграл свою позитивную роль в будущем.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0/100 в. Оп. 4. П. 102. Д. 2.
2. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 100 в. Оп. 2а. П. 1. Д. 1.
3. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0/100. Оп. 4. П. 102. Д. 2.
4. *Бармин В.А.* СССР и Синьцзян 1918–1941 гг. (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул, 1998.
5. Российский государственный архив экономики. Ф. 413. Оп. 3. Д. 1399.
6. Российский государственный архив экономики. Ф. 413. Оп. 3. Д. 1713.

1. РГАЭ. Ф. 413. Оп. 3. Д. 1957. Л. 134.

2. АВП РФ. Ф. 0/100 в. Оп. 4. П. 102. Д. 2. Л. 33.

3. Ibid.

4. *Бармин В.А.* СССР и Синьцзян 1918–1941 гг. (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул, 1998. С. 67–68.

7. Российский государственный архив экономики. Ф. 413. Оп. 3. Д. 1957.
8. Российский государственный архив экономики. Ф. 635. Оп. 3. Д. 14.
9. Российский государственный архив экономики. Ф. 635. Оп. 3. Д. 3.
10. Российский государственный военный архив. Ф. 410. Оп. 7. Д. 45.
11. Собр. указ. РСФСР. 1923. Г. 40. Ст. 424.
12. *Шеметова Т.А.* Проблемы и последствия советско-синьцзянских переговоров в Урумчи о Временном торговом соглашении // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14).

T. Shemetova. On the Forms and Methods of the Soviet Leadership in Search of Normalization of Trade, Economic and Political Relations with Xinjiang in 1921–1923

The author focuses on the application by the Soviet leadership of new forms and methods to normalize trade, economic and political relations with the Chinese province of Xinjiang in 1921–1923.

On September 1921, the Soviet leadership sent to Urumqi, the provincial capital, a delegation led by Kazansky, an employee of the People's Commissariat for Foreign Affairs, to negotiate the restoration of trade and economic relations between the parties. However, it was not possible to achieve any significant results during the negotiations, despite the clear prospects of the proposed cooperation and the obvious mutual benefit. Despite concessions and a change in approaches to building relationships, it was not possible to formalize and reverse the negative aspects in trade, economic and political relations with the province during the period under review. Too great was the distrust on the part of the administration of neighboring Chinese territory towards the new Russian government, its ideology and practical actions.

Keywords: USSR, Xinjiang, new forms of trade and economic relations.